

Гордость русского искусства

История богата случайностями, которые невзначай приоткрывают ее глубокие закономерности. Разве не случайностью было то, что Константин Станиславский — великий режиссер — родился в том самом 1863 году, когда Россия лишилась Михаила Щепкина — своего великого актера? И разве не закономерностью было то, что борец за правду и естественность на сцене — Станиславский — принял эстафету щепкинских реалистических традиций? Что именно он считал себя учеником и продолжателем пути, начатого Щепкиным — «гордостью нашего национального искусства», по определению Станиславского.

И потому сегодня, когда исполняется сто лет после смерти замечательного артиста, хочется говорить о нем не только в прошедшем времени, хочется напомнить еще одну строчку из труда Константина Станиславского «Моя жизнь в искусстве», ставшего настольной книгой многих художников сцены: «Щепкин был создателем основы подлинно драматического искусства».

Время не сохранило нам ни голоса Щепкина (в ту пору даже не мечтали о граммофоне, не говоря уже о магнитных пленках), ни впечатляющих изображений его в ролях (фотография тогда в России делала лишь первые шаги), но мы можем представить себе, каков он был на сцене. Можем потому, что немногими мастерами сцены так восторгались, так подробно и увлеченно рассказывали, писали и вспоминали о них современники.

«Лучший комический актер здесь Щепкин. — писал великий русский критик Виссарион Белинский другу

из Москвы, — это не человек, а дьявол — вот лучшая и справедливая похвала его».

А Лев Толстой, видевший Щепкина в роли Городничего в классической комедии великого русского писателя Николая Гоголя «Ревизор», записал о нем в дневнике: «строгий актер».

Всею два слова. Но как много они говорят историку театра, свидетелствуя, что Щепкин, играя взлётчика и ханжу Городничего, одновременно был и строгим реалистом, влезавшим, по собственному выражению, в шкуру действующего лица, и строгим и беспощадным сатириком, бесстрашным обличителем современных ему пороков. Ведь когда автор «Ревизора», дрогнув перед яростным напором всех осмеянных им сословий, послал артисту горькое письмо, тот не замедлил с ответом: «Чем больше на вас будут злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она (публика — Б. М.) разделяет мое мнение о комедии и вы достигли своей цели».

«Своей цели» достигал артист, играя и в другой классической русской комедии «Горе от ума». Предметом его сатиры здесь становился не уездный градоначальник, как в «Ревизоре», а крупный московский чиновник, барин Фамусов. С меткой и злой наблюдательностью вычерчивал Щепкин образ чиновного вельможи, чванливого с теми, кто рангом ниже, угодливого с теми, в ком чувствует силу.

Щепкин был не только блестящим мастером сцены, но и гражданином. И это благородное свойство его таланта принесло ему любовь современников, признание по-

томков и... ненависть власть имущих.

Да, первый артист императорского Малого театра, находящегося в ведении царского двора, был под наблюдением полиции и жандармерии.

Когда после Великой Октябрьской социалистической революции в руках советского народа оказались архивы охранки, в одной из папок был обнаружен любопытный документ: «Щепкин... актер. Желает переносить и готов на все», — так сообщал московский генерал-губернатор шефу жандармов. Есть известное изречение: скажи нам, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Вот самый беглый список друзей артиста (чтобы не повторяться, мы эпитет великий, так сказать, выносим за скобки) — Александр Пушкин — поэт; Иван Тургенев — писатель; Николай Гоголь — писатель; Тарас Шевченко — поэт-революционер; Александр Герцен — писатель-революционер. И с этими замечательными людьми, с этими лучшими людьми России Щепкина связывали не только долгие беседы об искусстве, не только общность творческих позиций, борьба за реализм. Когда Тургенев за статью о Гоголе был выслан царем Николаем I в далекую глушь, Щепкин отважно приезжает к нему. Когда Герцен эмигрирует в Лондон, ведя яростную политическую борьбу с правительством Николая I, Щепкин — один из всех московских друзей Герцена — не побоялся навестить изгнанника. Когда украинский поэт-революционер Шевченко был возвращен из ссылки и отправлен под надзор полиции в Нижний Новгород, 74-лет-

ний Щепкин в разгар театрального сезона бросает все и мчится к человеку, снискавшему личную ненависть царя.

И надо ли удивляться, что в день кончины Щепкина, актера императорского Малого театра, в издававшейся в Лондоне подпольной газете «Колокол» был напечатан некролог, написанный ее редактором Герценом: «Щепкин и Мочалов (великий русский трагический актер — Б. М.), без сомнения, два лучших артиста из всех, виденных мною... Оба принадлежат к тем намекам на сокровенные силы и возможности русской природы, которые делают неизбежной нашу веру в будущность России».

Так же верил и преклонялся перед Щепкиным Александр Пушкин. Каждому, кто когда-либо видел рукопись знаменитых «Записок» Михаила Щепкина, бросается в глаза, что ее заглавие и первые две строки написаны другим — чужим почерком. Любитель русской литературы узнает сразу, чья это рука. Это написано Пушкиным, который долго уговаривал актера начать свои воспоминания и, наконец, нашел такой способ заставить его рассказать о себе.

Жизнь Щепкина (он родился в 1788 году), выходца из крепостных, познавшего, по собственным словам, российскую действительность «от дворца до лакейской», была настоящим подвигом воли, таланта, ума. О жизни, ее трудностях он узнал не из книг. И весь свой богатый и горький опыт он принес на сцену родного театра, который так и называется «Домом Щепкина». Щепкин, по определению Герцена, первым в России «стал не театрален

М. С. ЩЕПКИН
(1788—1863 гг.)

на сцене», он явился основоположником реалистической школы игры, воспитателем целой плеяды блестящих мастеров, которые затем передали свой опыт последующим поколениям.

Соединение вдохновения с упорным трудом, ставшее впоследствии для Станиславского основой его метода, — вот драгоценнейшая особенность щепкинского таланта.

Недаром Константин Станиславский, мечтавший об идеальном актере, писал: «Для передачи больших чувств и страстей нужен большой артист — артист огромного таланта, силы и техники... Он придет от земли, как в свое время пришел М. С. Щепкин, и, подобно ему, пропустит через себя все лучшее, что дала вековая культура и артистическая техника».

Б. МЕДВЕДЕВ.
Театральный критик.
(АПН).